

САМИЗДАТ ВЕКА: ВЛАДИМИР КОВЕНАЦКИЙ

№23 1997

Есть у меня в альбоме рисунок - иллюстрация к моему стихотворению "Боров": здоровенный мужик с большим ножом гонится за злобно визжащим огромным боровом по деревенской улице, жители которой потешаются над ними. Этот рисунок мне нарисовал поэт и художник Владимир Ковенацкий, и поскольку эти стихи я написал в 1960 году, значит, и познакомился с ним чуть раньше. В отличие от Юрия Витальевича Мамлеева, Володя изображал в своих рисунках и стихах реальный жуткий мир, при этом с большой убедительностью.

Лучше всего говорит об этом Лев Кропивницкий - его старший друг (оба они встретились теперь в ином мире): "... в рисунках и стихах Ковенацкого при всей их мистичности и даже трагичности всегда просматривался очень увлекательный иронический подтекст. Реальное, даже натуралистическое, органично сочеталось с фантазией, парадоксом, абсурдом - и рождался в высшей степени симпатичный гибрид... Я жил тогда в Царицыне (пишет Лев Евгеньевич), и каждую субботу - приемный день, приезжало множество народа. Художники, поэты, просто любители искусства, физики, в то время почему-то считавшие себя причастными к авангарду в искусстве. Появлялось много иностранцев, что тогда расценивалось, почти, как криминал. Но все шло своим чередом. Каждую неделю приезжали и "сексуальные мистики" Мамлеев, Ковенацкий и их юные тогда ученики и поклонники. Смотрели картины, читали стихи и прозу. Пели хором - тексты и подбор мелодии принадлежали Ковенацкому. Думаю, что этот интересный период продолжался года три. Затем группа разбрелась... И по сей день со мной такие, скажем, гениальные строки: "Я ненавижу слово мы. // Я слышу в нем мычанье стада, // Безмолвье жуткое тюрьмы, // И гром военного парада."

ТЕГРИХ САПИР

* * *

Я ненавижу слово "мы".
Я слышу в нем мычанье стада,
Безмолвье жуткое тюрьмы
И гром военного парада.

* * *

Брат, открой! Свирепая метель.
Стужа беспощадно жестока.
Я в лохмотьях, бесконечна ночь!

Не могу ничем тебе помочь,
Я раздет. Я выпил коньяка.
Я ложусь с любовницей в постель,

БЕЗДНА

Вот она, бездна. Дантовой глуша.
Суньтесь туда - задохнетесь от смрада.
Зачем же лезть человеку в душу?
Не будьте психологами. Не надо.

КОРОЛЬ САТУРНА

Я личность очень незаметная,
Хоть и устроился недурно.
Есть у меня мечта заветная -
Стать императором Сатурна.

Сижу, входящих лица путаю,
Обед невкусный ем в столовой,
И все мне кажется, как будто я
Красавец в мантии лиловой.

Я бал в честь короля Меркурия
Устроил на кольце планеты.
В сосудах ароматы курятся,
Сверкают гости, разодеты.

Кусочки звезд в оправы вставлены,
Как отшлифованные камни,
Ох, размечтался, крыса старая.
На партсобрание пора мне.

* * *

Автобус похоронный
К подъезду подкатил.
В реке, густой и сонной,
Плеснулся крокодил.

В нахмуренное море
Уходят паруса.
В готическом соборе -
Органная гроза.

Восходит шар огромный
Над улицей чумной.
Автобус похоронный,
Неужто он за мной?

* * *

Ползет рассвет на смену мраку,
И, скрыв животную тоску,
Мы поднимаемся в атаку
По офицерскому свистку.

Ты не узнаешь, мама, сына,
И мужа, милую жену,
Питекантропья образина
Огнем убийства зажжена.

Вот я бегу - космат и страшен,
Забыты принципы добра,
И кровью плоский штык окрашен,
И грозно хрюплюе "ура"!

ДЯДЯ

Мой дядюшка намедни спятил:
Провозгласил в квартире вдруг,
Что не чиновник он, а дятел,
И в стену носом тук да тук.

Забрали дядю санитары,
А комната осталась мне.
Обои порваны и стары,
Портрет Барбюса на стене.

Обрел я - дядюшке спасибо -
Диван, два стула и комод.
Сюда я девку пригласил бы,
Но больно мерзкий я урод.

* * *

Это было никем не замечено -
Появилась вдруг человечина
На блестящей витрине продмага.

Люди тешались нежностью вечера,
Льнули девушки к парням доверчиво,
Только я побелел, как бумага.

БАЛЛАДА О ДВУХ СОЛДАТАХ

Тосковал солдат на своем посту.
Догорела заката ржа.
И другой солдат скользнул в темноту,
Автомат на весу держа.

И сгустилась ночь, и в ночи возник
В той траншее кровавый ад.
Раскалялся ствол, и вонзился штык,
И о каску гремел приклад.

И один из них пять свинцовых жал
Без прицела во тьму изверг,
А другой гранату метнул - и ал
Был огня нестерпимый сверк.

И поникла плоть, и из рваных дыр
Кровь и мозг потекли в пыли,
И рванулись души в астральный мир,
И земную грань перешли.

И открыл глаза, и сказал солдат,
Видя тень врага на пути:
- Ты прости меня, незнакомый брат.
И услышал в ответ: - Прости!

И свободы хмель, слаще всяких вин,
Их объял вместо боли ран,
И на Сириус улетел один,
И другой - на Альдебаран.

В ТЕАТРЕ

В партере лысины блестели.
Махал руками дирижер.
Гремели трубы. Скрипки пели.
Пылала сцена, как костер.

Молил князь Игорь о свободе,
Кончак в ответ басил: "Не дам!"
Вдруг - женский крик, удара вроде,
Удара в трензель: "В ложе! Там!"

И весь театр единым духом,
Вздохнул, на ложу глянув: "Ах!"
Там монстр сидел. С огромным брюхом.
Горбатый. О шести руках!

В одной руке держал программу,
Двумя - настраивал бинокль,
Тремя - накрашенную даму.
Он обнимал, как осьминог!

* * *

Неуютно, тоскливо и гадко,
В подворотнях стоят упыри.
Бредит похотью ночь-психопатка,
Далеко, далеко до зари.

Узкий месяц в сиянии тусклом -
Точно вестник грядущей беды.
На асфальте заплеванно-гнусном
Я целую ее следы.